

Описательные и теоретические исследования

УДК 811`37

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-92-120

Когнитивный механизм семантического перехода

ПОДНЯТЬ → ОТМЕНИТЬ

в свете типологических данных

Мария В. Орлова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия,

mriaorlova@gmail.com

Аннотация. В статье на материале 11 языков, принадлежащих трем языковым группам – греческой, германской и романской, – рассматривается ряд семантических переходов, формирующих единую цепочку значений, которую по крайним звеньям можно обозначить как *TO TAKE UP* → *TO ABOLISH* (поднять – отменить). Высказывается предположение о вероятной когнитивной основе семантического развития глаголов с исходным значением *TO TAKE UP*, которая представляется общей для значительного количества языков и поэтому имеет особую значимость для лексико-семантической типологии.

В структуре цепочки находит отражение общее представление о последовательном увеличении дистанции между перемещаемым объектом и его исходным местоположением, что служит основой для возникновения значений *TO TAKE OFF* (снять) и *TO TAKE AWAY* (унести). На последних шагах деривации идея удаления предмета из некоторого пространства достигает максимально полного воплощения в значениях *TO DESTROY* (уничтожить) и *TO ABOLISH* (отменить). Отмечается различие механизмов развития новых значений: три из четырех производных значений являются метонимическими, тогда как значение *TO ABOLISH* имеет метафорическую природу.

Ключевые слова: лексико-семантическая типология, семантические переходы, семантические параллели, полисемия, семантическая эволюция, концептуализация действительности

Для цитирования: Орлова М.В. Когнитивный механизм семантического перехода *ПОДНЯТЬ* → *ОТМЕНИТЬ* в свете типологических данных // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 5. С. 92–120. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-92-120

© Орлова М.В., 2022

The cognitive mechanism of the semantic shift

TO TAKE UP → TO ABOLISH
in the light of typological data

Mariia V. Orlova

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, mriaorlova@gmail.com*

Abstract. Based on the data of 11 languages belonging to three language groups (Hellenic, Germanic, and Romance) the article considers a range of semantic shifts forming a chain of meanings which, based on its outermost links, may be referred to as TO TAKE UP → TO ABOLISH. The article analyzes the cognitive basis of the semantic development of verbs initially denoting the action TO TAKE UP, a pattern assumed to be common for several languages and thus of particular significance for lexical and semantic typology.

The structure of the chain reflects the idea of the distance between the relocated object and its original location gradually becoming greater, on the basis of which the meanings TO TAKE OFF and TO TAKE AWAY are acquired. The final links of the chain (the meanings TO DESTROY and TO ABOLISH) represent the ultimate realization of removal. The mechanism of meaning acquisition is assumed to differ between the shifts in the chain since three of the four derivative meanings are metonymical, while the meaning TO ABOLISH is of metaphorical nature.

Keywords: semantic typology, semantic shifts, semantic parallels, polysemy, semantic evolution, conceptualization

For citation: Orlova, M.V. (2022), “The cognitive mechanism of the semantic shift TO TAKE UP → TO ABOLISH in the light of typological data”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 92–120, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-92-120

1. Введение

В связи с развитием лексическо-семантической типологии перспективным представляется исследование сходных процессов в лексике языков мира, принадлежащих различным языковым группам и семьям. Среди таких явлений особенного внимания заслуживают семантические переходы, понимаемые как «наличие некоей концептуальной смежности между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах “одного слова в широком смысле”» [Зализняк 2013а, с. 411], в диахронии (как феномен семантической эволюции) или в синхронии (как полисемия).

На сегодняшний день существует целый ряд работ, посвященных системному и типологическому изучению полисемии – см., например [Гак 1998; Падучева 2000; Viberg 2002; Кустова 2004; Riemer 2005; François 2008; Koch 2008; Juvonen, Kortievskaaya-Tamm 2016; List et al. 2018; Zaluzniak 2018]. В исследовании семантических изменений ключевую роль играет широко применяемое в этимологии понятие семантической параллели, т. е. независимой реализации сходных семантических переходов в разных словах разных языков, в том числе неродственных. Сопоставительное исследование таких переходов представляется крайне актуальной задачей в связи с их очевидной когнитивной природой: в работах по лексико-семантической типологии, как правило, подчеркивается, что «изменения в способе номинации представляются подчиняющимися определенным когнитивным универсалиям, которые порождают сходные результаты в неродственных языках»¹ (перевод мой. – М. О.) [Koch 2000, р. 80]; см. также [Koch 2008, р. 108; Зализняк 2013а, с. 415] и др.

Этими соображениями обусловлен интерес современной лингвистики к сопоставительному исследованию полисемии в языках мира: изучение переходов, образующих семантические параллели, дает возможность выявить «естественные тенденции изменения значения в данной семантической области»² (перевод мой. – М. О.) [Wilkins 1996, р. 282], проследить и описать регулярно повторяющиеся процессы семантического развития. Результаты такого исследования, в свою очередь, позволяют охарактеризовать некоторые внутренне присущие человеческому сознанию пути и модели осмысления действительности.

В лексикографической традиции принято выделять два типа полисемии. В случае радиальной полисемии «все значения слова мотивированы одним и тем же – центральным – значением» [Апресян 1995, с. 182], в то время как явление цепочечной полисемии предполагает, что «каждое новое значение слова мотивировано другим – ближайшим к нему – значением, но крайние значения могут и не иметь общих семантических компонентов» [Апресян 1995, с. 182].

Как отмечает Е.В. Падучева, «в множестве лексем полисемичного <...> слова, как правило, можно найти корневую лексему – такую, что все остальные являются ее прямыми или

---

¹Пер. с фр. “les changements de désignation semblent sujets à certains universaux cognitifs qui produisent des résultats polygénétiques semblables”.

²Пер. с англ. “the natural tendencies of semantic change in a given semantic domain”.

опосредованными дериватами» [Падучева 2004, с. 149]. Такая взаимосвязь между значениями лексической единицы позволяет представить ее семантику как единую структуру, благодаря чему многозначное слово может рассматриваться как «семантическая парадигма», т. е. «парадигма лексем, связанных одна с другой продуктивными типами семантической деривации» [Падучева 2004, с. 410].

В связи с изложенными выше соображениями важной задачей представляется сбор и систематизация информации о конкретных реализациях семантических переходов в языках мира, что, в свою очередь, позволит формулировать гипотезы о когнитивных механизмах эволюции значения слова. С этой целью группой исследователей под руководством А.А. Зализняк с 2002 г. ведется работа по составлению Каталога семантических переходов в языках мира в форме компьютерной базы данных “Database of Semantic Shifts” (далее DatSemShift), в которой фиксируются данные о семантических переходах, представленных на синхронном или диахроническом уровне в конкретных лексемах – реализациях данного перехода ([Зализняк 2001; Зализняк 2013а; Zalizniak et al. 2012; Zalizniak 2018]; база данных доступна по адресу: www.datsemshift.ru).

Существенно также, что Каталог позволяет исследовать не только отдельно взятые переходы, но и случаи взаимосвязи между ними. Извлечение цепочек переходов из базы данных DatSemShift становится возможным благодаря функции автоматизированного поиска по параметрам SOURCE и TARGET, для которых в этом случае задаются одинаковые значения, поскольку одно и то же значение для одного перехода является исходным, а для другого – производным [Zalizniak 2018, p. 773].

В статье будет рассматриваться одна из таких цепочек переходов, а именно «многоступенчатый» переход TO TAKE UP → TO ABOLISH. В следующем разделе будет предложена гипотеза относительно концептуальной основы семантического развития глаголов с первым значением TO TAKE UP и представлена схема их цепочечной полисемии в ее идеальной реализации, т. е. с полным набором звеньев. В разделе 3 на примере конкретных языков и лексем будут рассмотрены варианты этой цепочки, различающиеся как по количеству составляющих ее переходов, так и по когнитивным механизмам формирования новых значений. В заключение будут подведены итоги проверки исходной гипотезы на языковом материале, а также упомянуты сходные случаи полисемии в языках других семей и групп.

2. Этапы семантической деривации в цепочке переходов TO TAKE UP → TO ABOLISH³

Одну из характерных цепочек переходов, позволяющих говорить о единой семантической структуре многозначного слова, в ряде языков можно наблюдать на примере глаголов, первым значением которых является ‘переместить куда-л. вверх, в более высокое положение’, ср. прямое (пространственное) значение англ. *to lift* и *to take up* или рус. *поднять*. Эти глаголы можно соотнести с группой «глаголов удаления», которые могут быть противопоставлены «глаголам прибытия» как имеющие «обязательную семантическую валентность начальной точки» [Майсак, Рахилина 1999, с. 53]. Следует отметить, что в цитируемой работе рассматриваются глаголы движения в узком смысле, не включающем глаголы перемещения объекта, однако общность семантики этих двух тематических классов, как кажется, позволяет использовать схожие методы и общую терминологию при анализе их функционирования.

Согласно нашей исходной гипотезе, семантическое развитие глаголов со значением TO TAKE UP базируется на идее **удаления предмета X из пространства Y** таким образом, что дистанция между X и Y увеличивается с каждым последующим звеном цепочки, т. е. на каждом шаге деривации. Путь семантического развития соответствующих лексем можно представить в виде схемы:

Рис. 1. Схема цепочки переходов TO TAKE UP – TO ABOLISH

Производным от базового значения перемещения объекта вверх по вертикали – TO TAKE UP – становится значение (2) TO TAKE OFF (= ‘убрать, удалить то, что находится на поверхности чего-л.’). Будучи употребленным в этом втором значении, полисемичный глагол по-прежнему называет ситуацию, включающую в себя пере-

³Исследуемые значения обозначаются в статье условными англоязычными ярлыками в соответствии с принципом нотации, принятым в DatSemShift.

мещение предмета по вертикальной линии (как правило, сначала вверх, затем вниз), однако на первый план выходит семантика удаления предмета с поверхности, на которой он пребывал до этого.

Иными словами, используя глагол в значении *TO TAKE UP*, говорящий в первую очередь характеризует сам вектор движения – снизу вверх, – тогда как при употреблении лексемы в значении *TO TAKE OFF* фокус смещается на начальную точку: наиболее актуальной представляется информация о том, где изначально находился и более не находится предмет X. Тесная связь между двумя значениями, составляющими первый переход в рассматриваемой цепочке, нередко отражается в лексикографическом представлении соответствующих глаголов: в словарных статьях регулярно встречаются единые, синкретичные толкования значений *TO TAKE UP* и *TO TAKE OFF*⁴, иллюстрируемые примерами, которые были бы переведены на русский язык с помощью двух разных глаголов – ср. *The lumber was lifted by crane* ‘Лес **подняли** на подъемном кране’ и *He lifted the lid on the pot of soup* ‘Он **снял** крышку с кастрюли с супом’⁵. В русском языке также обнаруживается контекст нейтрализации различия между лексемами *поднять* и *снять*, в котором одна денотативная ситуация может быть описана с помощью любого из двух глаголов: ср. *И ничто не спасло бы Чикобаву, если бы Сталин не снял трубку и не оставил его жить* (Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1–25 [1968] // Новый мир, 1990); *Поздно ночью раздался телефонный звонок. Я поднял трубку. Из тишины выплыл спокойный голос моего брата...* (Сергей Довлатов. Наши [1983])⁶.

На втором шаге деривации, при переходе к значению (3) *TO TAKE AWAY* (= ‘поднять/взять, убрать, унести откуда-л., куда-л.’), семантический компонент движения по вертикали утрачивается, в то время как идея удаления предмета из исходного пространства сохраняется и получает дальнейшее развитие. Задействованное в ситуации пространство Y, из которого удаляется объект, как бы расширяется и приобретает объем по сравнению с «плоским» исходным пространством – поверхностью, которая мыслилась как исходная точка движения для ситуаций, называемых глаголом в значениях

---

⁴См., например, толкования *lift*: Longman dictionary of contemporary English. P. 933; и *enlever*: Trésor de la langue Française informatisé. ATILF / CNRS – Université de Lorraine. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm> (дата обращения 04.02.2022).

⁵Примеры см.: Longman dictionary of contemporary English / Ed. by D. Summers. 4th ed. White Plains, N.Y.: Longman, 2003. P. 933.

⁶Примеры см.: Национальный корпус русского языка. 2003–2021. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 04.02.2022).

TO TAKE UP и TO TAKE OFF. Иными словами, если при употреблении глаголов в значении (1) или (2) в фокусе внимания говорящего оказывается только тот участок поверхности, которым Y соприкасался с располагавшимся на нем X, то при переходе к третьему звену цепочки Y приобретает характеристики трехмерного пространства, внутри которого изначально находится X. В некоторых контекстах употребления глаголов в значении (3) актуализируется также смысловой компонент причины действия – идея ненужности предмета X в пространстве Y, которая побуждает Агенса перенести X из Y в другое место (в русском языке это значение выражает глагол *убрать*).

На третьем шаге деривации, при переходе к четвертому звену цепочки переходов, идея «удаления» предмета достигает предельно полного воплощения: X перестает существовать не только в некотором ограниченном пространстве, но и в мире вообще. Такое переосмысление ситуации может иметь две реализации – конкретную (на схеме значение (4а)) и абстрактную (на схеме значение (4б)). В случае реализации значения (4а) **TO DESTROY X** представляет собой материальный предмет и речь идет о его устранении, разрушении, уничтожении; в редких случаях X может также являться лицом, и тогда соответствующей ситуацией становится его убийство. Можно говорить о том, что пространство Y еще более расширяется по сравнению с предыдущими звеньями цепи переходов и становится равным миру. Вследствие этого лексемы, употребленные в значении (4а), часто не имеют валентности начальной точки перемещения (ср. фр. *produit qui enlève les taches* ‘средство для удаления пятен’) – см. также примеры из древнегреческого языка в параграфе 3.1.

В то же время обнаруживаются и другого рода контексты, когда для говорящего важно указать, в какой конкретно точке пространства находился X, прежде чем быть уничтоженным, поскольку само устранение X вызвано нежелательностью его нахождения именно в этом месте. Это явление иллюстрируют контексты «очищения» материального предмета – ср. фр. *enlever les saletés du sabot* ‘убрать грязь с башмака’, *enlever les taches sur le tapis* ‘удалить пятна с ковра’, *enlever la rouille sur les casseroles* ‘удалить ржавчину с кастрюль’⁷: с одной стороны, X (тот или иной вид грязи) не переносится в другое пространство, а перестает существовать где-либо в принципе; с другой – его следовало удалить именно из Y (из предмета, на поверхности или внутри которого он находился). Представ-

⁷Примеры взяты из корпуса интернет-текстов frTenTen: Corpus of the French Web. SketchEngine. URL: <https://www.sketchengine.eu/frtnten-french-corpus/> (дата обращения 04.02.2022).

ляется, что в таких случаях можно говорить о частично сближающемся с предыдущим, третьим звеном цепочки значений контексте «сильного удаления», противопоставленного контекстам «слабого удаления»: с одной стороны, ситуация не концептуализируется в языке как тотальное уничтожение предмета (о чем свидетельствует материал толковых словарей, помещающих контексты «слабого» и «сильного» удаления в качестве иллюстративных примеров к одному значению глагола), с другой – в действительности денотативная ситуация подразумевает именно полное устранение X, а не его перемещение⁸. Подробнее эта проблема будет рассмотрена на материале французского языка в параграфе 3.3.

Другая реализация последнего шага деривации, переход к значению (4б) **TO ABOLISH**, сопровождается сменой таксономического класса Пациенса (о понятии таксономического класса см. [Падучева 2004, с. 80–89]), что актуализирует особое, метафорическое значение глагольной лексемы. Если в качестве Пациенса выступает имя какого-либо постановления или решения (закона, указа, приговора, договоренности и т. д.), то глагол называет уже не физическое устранение предмета, а отмену действия соответствующего документа. Как показывает наше исследование (см. раздел 3), основанное на семантике удаления значение **TO ABOLISH** является достаточно частотным в языках мира, причем характерно, что оно регулярно возникает также у глаголов, в семантической структуре которых не представлено ни предыдущее звено цепочки переходов (3), ни «конкретное» значение (4а), так что они не способны выражать идею уничтожения материального объекта (ряд таких лексем будет приведен в параграфах 3.2 и 3.3). В этой схеме семантического развития «абстрактное» значение (4б) возникает на базе значения (2), и таким образом на последнем шаге деривации про-

---

⁸ В связи с такого рода контекстами представляется правомерным упомянуть также особое значение русской приставки *под-*, формулируемое в [Плунгян 2001], как значение «удаления с поверхности» с семантическим эффектом «полного удаления» (ср. *подтереть* = ‘стереть целиком с горизонтальной поверхности’, *подлизать* = ‘слизать целиком с горизонтальной поверхности’). Семантический компонент полного («сильного») удаления, соответствующий звену (4) в предлагаемой схеме, накладывается на основное значение глаголов «пути объекта от (нижней) поверхности к субъекту-посессору» (звено [1]), в чистом виде реализуемое лексемами *поднять* и *подобрать*. Таким образом, русские префиксальные глаголы, семантика которых связана с идеей перемещения вертикально вверх, также способны называть ситуацию устранения объекта, хотя к самому глаголу *поднять* это замечание не относится.

цесс семантического развития происходит одновременно на двух уровнях: за счет идеи максимального увеличения дистанции между X и Y (полное устранение X) и в результате смены таксономического класса X, т. е. Пациенса.

Такая гипотетическая реконструкция развития значений исходной лексики, по нашему мнению, отражает общие закономерности семантической эволюции слов естественного языка. Известно, что концептуальное поле пространства, представленное в лексике в том числе глаголами движения и перемещения, является крайне продуктивным в качестве базы для семантических переходов, источника семантического расширения. Это обусловлено принадлежностью пространственных категорий к первичному, непосредственному опыту носителя языка, благодаря чему «пространственные употребления многозначных единиц, отсылающих к явлениям действительности, более доступным непосредственному взаимодействию, чем временные или понятийные употребления, являются первичными, и на их основе развиваются все остальные»⁹ (перевод мой. – М. О.) [Pauly 2012, p. 95]. Представление о пространственных категориях как о средстве концептуализации явлений более сложного характера, связанных в том числе с нематериальными объектами, находит отражение в работах когнитивного направления в понятии топологической схемы (англ. *image schema* – термин введен М. Джонсоном) [Ченки 1997, с. 346–348; Рахилина 2010, с. 377; Розина 2005, с. 46].

В то же время взаимоотношение между двумя значениями, связанными семантическим переходом, отнюдь не всегда является однозначным, поскольку «оба направления (“от конкретного к абстрактному” и “от абстрактного к конкретному”) могут своеобразно перекрещиваться в развитии семантики одного и того же слова» [Шмелев 2008, с. 217–218]. Так, возможность обратного направления развития значений демонстрирует Э. Бенвенист, анализируя в статье «Семантические проблемы реконструкции» отношения семантической производности между значениями ‘верность, преданность’ и ‘дерево, дуб’ в ряде индоевропейских языков [Бенвенист 1974, с. 340–343]. Один сложный случай такого рода обнаруживается и при анализе конкретных реализаций рассматриваемого перехода и будет охарактеризован ниже.

Семантическое развитие обозначений базовых видов действий (к числу которых, безусловно, относятся и основные способы пере-

⁹Пер. с фр. “les emplois spatiaux des unités polysémiques, qui renvoient à des réalités plus directement saisissables que les emplois temporels ou notionnels, constituent les emplois premiers à partir desquels les autres se déploient”.

мещения объекта, в том числе *TO TAKE UP*) регулярно происходит за счет взаимодействия исходной лексемы с новыми актантами, которые изначально не мыслились как участники называемой глаголом ситуации. Это явление описывается Г.И. Кустовой в рамках следующей схемы: «...одновременно происходят два противонаправленных семантических процесса: с одной стороны, круг актантов расширяется, глагол “вбирает” все большее количество новых объектов <...> но, с другой стороны, происходит “приспособление” глагола к новым типам объектов, семантическое согласование с их признаками, что приводит к более или менее заметному сдвигу значения и формированию новых, производных значений» [Кустова 2000, с. 87]. Исходная, доступная непосредственному наблюдению и связанная с первичным опытом человека прототипическая ситуация становится источником для производных значений, иногда весьма разнородных, но имеющих в своей основе обусловленную топологической схемой единую идею, которая, все более переосмысляясь при переходе от конкретного к абстрактному, принимает крайне обобщенный характер. Видоизменение сочетаемостных ограничений, характеризующих глагольную лексему, и, как следствие, увеличение числа возможных контекстов ее употребления влечет за собой приобретение ею более отвлеченных значений.

Особенно частотным в семантической структуре глагольной лексики представляется развитие новых значений за счет изменения типа объекта-Пациенса [Waltereit 1999; Кустова 2004, с. 25–27; Падучева 2004, с. 84; Розина 2005, с. 167]. Для цепочки переходов *TO TAKE UP* → *TO ABOLISH* смена таксономического класса актанта в первую очередь характеризует переход к значению (4б): в этом случае объектная валентность заполняется существительным со значением того или иного постановления или решения.

Первые два шага деривации, т. е. переход от первого звена цепочки значений ко второму и от второго к третьему, а также «конкретная» реализация последнего шага (переход к значению [4а]) лежат в сфере конкретной лексики и могут быть описаны с помощью понятия метонимии – одного из наиболее регулярных механизмов развития новых значений слова. Являясь в той или иной степени смежными с прямым значением, производные значения такого рода сохраняют с ними тесную связь на денотативном уровне (ср. [Кустова 2004, с. 198]), и при их появлении таксономический класс Пациенса не изменяется.

В связи с проблемой когнитивной связи между значением (4а) и предыдущим звеном цепочки переходов, послужившим базой для его возникновения, – (3) или (2) в разных языках – интерес представляет работа [Stolova 2015], в которой анализируются

основные тенденции, характерные для семантических переходов в романских языках в сопоставлении с языком-предком. Особенный интерес представляют замечания автора относительно когнитивной близости понятий движения и существования: в частности, в связи с латинскими глаголами *abire*, *abscedere*, *exire* она отмечает, что «идея прекращения некоторого состояния, положения или стадии <...> могла бы быть выражена посредством глаголов движения как подвид метафоры изменение – это движение, известный как ПРЕКРАЩЕНИЕ СОСТОЯНИЯ – ЭТО ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ИЗ ПРОСТРАНСТВА»¹⁰ (перевод мой. – М. О.) [Stolova 2015, p. 103], а также упоминает о том, что «исчезновение или прекращение существования может <...> выражаться с помощью глаголов движения»¹¹ (перевод мой. – М. О.) [Stolova 2015, p. 112]. Представляется, что эти тенденции характерны не только для романских языков, поскольку обусловлены общими когнитивными механизмами концептуализации мира. Связь между идеями движения (в данном случае движения вертикально вниз, а не вверх) и начала/прекращения существования постулируется и в работе [Розина 1999, с. 168].

В то же время «абстрактная» реализация (4б) последнего деривационного шага в рассматриваемой цепочке качественно отличается от предыдущих по механизму образования нового значения (в данном случае метафорическому, а не метонимическому) и по классу одного из участников описываемой ситуации – Пациенса. При этом частота реализации именно этого звена цепочки значений крайне высока, что позволяет говорить о регулярности этой метафоры как средства концептуализации ситуации отмены официального постановления.

3. Семантический переход *TO TAKE UP* → *TO ABOLISH* в трех группах индоевропейских языков

В данном разделе цепочка переходов, которую мы обозначили как *TO TAKE UP* → *TO ABOLISH*, будет описана на материале трех языковых групп, входящих в индоевропейскую семью: греческой, германской и романской. В зависимости от конкретного языка она

¹⁰ Пер. с англ. “stopping being in a specific state, condition, or stage could also be expressed with motion verbs as part of a sub-metaphor of CHANGE IS MOTION known as STOPPING BEING IN A STATE IS LEAVING A LOCATION”.

¹¹ Пер. с англ. “disappearing or stopping to exist can <...> be rendered by motion verbs”.

может быть представлена разным количеством реальных переходов, что в принципе характерно для «многоступенчатых» моделей деривации, которые редко обнаруживают все возможные звенья цепочки значений во всех языках, реализующих ту или иную модель полисемии [Evans 1992, p. 476], а также противопоставление полных и дефектных семантических парадигм в [Падучева 2004]). Соответствующие модификации исходной схемы с учетом пропущенных в том или ином языке срединных звеньев цепочки будут продемонстрированы ниже.

3.1. *Древнегреческий язык.* В древнегреческом языке представлены как минимум два глагола с исходным значением TO TAKE UP, в семантической структуре которых реализуются разные ступени этого перехода. Так, у глагола *αἶρω* в словаре¹² выделяются значения ‘поднять’ (to take up, raise, lift up); ‘поднять и унести, убрать’ (to lift and take away, to remove) и ‘убрать, положить конец чему-л.’ (to remove, put an end to), а также (значение отмечено как позднее) ‘убить’ (to take off, kill). В словаре¹³ приводится ряд примеров употребления *αἶρω*, иллюстрирующих реализации различных этапов деривации базового значения в текстах античных авторов: (3) *ἀρθείσης τῆς τραπέζης* Plut. ‘когда стол был унесен’; (4a) *εἰ θενεῖς τὸν ἄνδρα τοῦτον, αὐτὸς ἀρθήσῃ τάχα* Arph. ‘если ударишь его, сам будешь немедленно уничтожен’; (4б) *συνθήκας ἄρασθαι* Diog.L. ‘отменять (расторгать) договоры’. Развитие значений этого глагола представляется последовательным, и механизм семантической деривации достаточно четко прослеживается: один и тот же глагол называет сначала удаление X с расположенной ниже поверхности Y, затем еще большее увеличение дистанции между X и трехмерным пространством Y, так что они более не могут находиться в поле зрения одного наблюдателя (через промежуточный шаг, включающий в себя синкретичное обозначение поднятия и переноса), и далее реализует идею полного устранения, уничтожения объекта или лица X.

Схожая семантическая структура характеризует приставочный глагол *ἀναίρῶ* (образованный при помощи префикса *ἀνα-* ‘вверх’ от глагола *αἶρέω* ‘брать’). Его исходное значение, согласно словарю Лиддела-Скотта, TO TAKE UP. Далее, как и у глагола *αἶρω*, у рассматриваемой лексемы развивается значение, объединяющее в себе представление о перемещении объекта вертикально вверх и о его

¹² Liddell H.G., Scott R. Greek-English lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1940. P. 240.

¹³ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 1. С. 55.

удалении в сторону от изначального пространства: ‘поднять и унести’ (to take up and carry off, bear away), например, в сочетании с дополнением τὰς σκηνάς Xen. ‘палатки’¹⁴.

Наконец, опять же сходно с развитием семантики глагола αἶρω, глагол ἀναίρω начинает выражать идею полного устранения Пациенса, что реализуется в значениях ‘убрать, покончить с чем-л., уничтожить, убить (о людях)’ (to take away, make away with, destroy, of men, to kill) и ‘упразднить, аннулировать, отменить (о вещах)’ (of things, to abolish, annul, cancel). В словаре И.Х. Дворецкого также отмечаются соответствующие значения: как конкретное TO DESTROY или TO KILL (с заполнением валентности Пациенса лексемами πύργους Xen. ‘башни’; πόλεις Dem. ‘города’; πολλούς Aesch., Her. ‘многих (людей)’), так и абстрактное TO ABOLISH (например, συνθήκας Isocr. ‘договор’; νόμους Aeschin. ‘закон’)¹⁵.

Следует отметить, что в греческом языке представлена «идеальная», максимально полная реализация описанной выше цепочки переходов: в семантической структуре глаголов αἶρω и ἀναίρω представлены все фигурирующие на рис. 1 звенья и даже периферийное употребление в рамках значения (4а) – TO KILL. В других индоевропейских языках, как можно будет увидеть ниже, реализуются не все описанные переходы, а только некоторая их часть.

3.2. *Германские языки.* Семантическую параллель к рассмотренным на материале древнегреческого языка переходам можно обнаружить в германских языках. Так, в английском языке анализируемый переход представлен глаголом *to lift*, в семантике которого наблюдается полисемия TO TAKE UP → TO TAKE OFF → TO ABOLISH: *The lumber was lifted by crane* ‘Лес подняли на подъемном кране’, *She lifted her hand* ‘Она подняла руку’ – *He lifted the lid on the pot of soup* ‘Он снял крышку с кастрюли с супом’ – *to lift a restriction* ‘снять запрет’, *to lift an embargo* ‘снять эмбарго’, *to lift sanctions* ‘отменить санкции’¹⁶.

Другой английский глагол перемещения по вертикали – *to raise* – демонстрирует еще более узкую полисемию в рамках рассматриваемой цепочки: см. (1) *Raise your hand if you know the right answer* ‘Поднимите руку, если знаете правильный ответ’ и (4б) *raise a siege* ‘снять блокаду’, *raise an embargo* ‘снять эмбарго’¹⁷. В последнем случае представляется правомерным говорить скорее

¹⁴ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. 1958. Т. 1. С. 117.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Longman dictionary of contemporary English / Ed. by D. Summers. 4th ed. White Plains, N. Y.: Longman, 2003. P. 933.

¹⁷ Ibid. P. 1353.

о лексической, чем о семантической сочетаемости глагола, однако сам факт наличия значения *TO ABOLISH* у глагола *to raise* очевиден.

Таким образом, в английском языке цепочка значений, представленная на рис. 1, сокращается за счет пропуска звена (3) или обоих срединных звеньев – (2) и (3) – и конкретного значения на последнем этапе деривации (4а). Характерный для германских языков редуцированный вариант цепочки можно представить с помощью следующей модификации исходной схемы:

Рис. 2. Схема цепочки переходов *TO TAKE UP* – *TO ABOLISH* в германских языках

Очевидно, что смена класса Пациенса и метафоризация конкретного значения происходят не на третьем, а на втором или даже на первом шаге деривации: можно предположить, что в этом случае отмена постановления концептуализируется не как удаление предмета из надделенного объемом пространства, а как снятие его с той поверхности, на которой он ранее находился, или поднятие с нее. Таким образом, ситуация отмены как «снятия» или «поднятия» понимается как обратная ситуации принятия-«наложения» (ср. рус. *наложить/снять санкции*, *наложить/снять запрет*) какого бы то ни было ограничивающего постановления или указа.

Так, в парадигме значений полисемичного немецкого глагола *aufheben* обнаруживаются первое и последнее звенья рассматриваемой цепочки: *einen Stein aufheben* ‘поднять камень’, *die Hand aufheben* ‘поднять руку’; *ein Verbot aufheben* ‘отменить запрет’, *die Verlobung aufheben* ‘расторгнуть помолвку’¹⁸.

Присущая этому глаголу модель полисемии характерна также для целого ряда германских когнатов. Так, нидерландский глагол *opheffen* демонстрирует аналогичную реализацию рассматриваемой цепочки: см. *iets van de grond opheffen* ‘поднять что-л. с земли’, *de handen opheffen* ‘поднять руку’; *een wet opheffen* ‘отменить действие закона’, *straf opheffen* ‘отменить наказание’¹⁹.

¹⁸ Duden Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. G. Drosdowski. Mannheim: Bibliographisches Institut, 1983. P. 113–114.

¹⁹ Van Dale Groot woordenboek der Nederlandse taal / Hrsg. C.A. Den Boon, D. Geeraerts. Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1961. P. 1397.

Схожим образом этот переход реализуется и в северогерманских языках, где, возможно, имело место калькирование немецкой модели семантической деривации. В пользу гипотезы о влиянии немецкой лексики на формирование значения скандинавских глаголов говорит и материал словарных статей: так, связь с немецким *aufheben* отмечается в словарях всех рассматриваемых северогерманских языков²⁰. В норвежском языке данный переход ярче всего представлен единственным значением достаточно частотного моносемичного (и, соответственно, не способного выражать какое-либо другое из рассматриваемых значений) глагола *oppheve* – префиксального деривата глагола *heve* TO TAKE UP. Значение TO ABOLISH у глагола *oppheve* может быть проиллюстрировано следующими примерами: *oppheve en lov* ‘отменить действие закона’, *oppheve en kontrakt* ‘разорвать контракт’, *stotteordningen skal oppheves* ‘меры по поддержке нужно отменить’²¹. То же значение реализуется в северогерманских когнатах: дат. *ophæve (ophæve forbuddet* ‘снять запрет’, *ophæve sanktionerne* ‘отменить санкции’)²² и шв. *upphäva (upphäva beslutet* ‘отменить решение’, *upphäva domen* ‘отменить приговор’)²³.

Существенно, однако, что тип реализации перехода TO TAKE UP → TO ABOLISH, представленный этими тремя глаголами, отличается от того, который наблюдается в немецком языке: скандинавские приставочные глаголы реализуют обсуждаемый семантический переход в форме морфологической деривации²⁴ типа *heve* → *oppheve*, *hæve* →

²⁰ Bokmålsordboka. Språkrådet og Universitetet i Bergen. URL: <https://www.ordbok.uib.no> (дата обращения 04.02.2022); Den Danske Orbog. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. URL: <https://www.ordnet.dk/ddo/forside> (дата обращения 04.02.2022). Svenska Akademiens Ordböcker. Svenska Akademien; URL: <https://svenska.se> (дата обращения 04.02.2022).

²¹ Все норвежские примеры здесь и далее взяты из словаря: Bokmålsordboka. Språkrådet og Universitetet i Bergen. URL: <https://www.ordbok.uib.no> (дата обращения 04.02.2022).

²² Все датские примеры здесь и далее взяты из словаря: Den Danske Orbog. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. URL: <https://www.ordnet.dk/ddo/forside> (дата обращения 04.02.2022).

²³ Все шведские примеры здесь и далее взяты из словаря: Svenska Akademiens Ordböcker. Svenska Akademien. URL: <https://svenska.se> (дата обращения 04.02.2022).

²⁴ О типе реализации семантического перехода «морфологическая деривация» см. [Зализняк 2013б, с. 33–34].

ophæve, *håva* → *upphåva*²⁵, поскольку все они, в отличие от нем. *aufheben* и нидерл. *opheffen*, не функционируют как глаголы физического перемещения. В то же время прозрачная внутренняя форма скандинавских глаголов, в которых приставка со значением 'вверх' дублирует значение корня, представленного в непроизводных лексемах со значением пространственного перемещения, позволяет усмотреть в этом случае тот же механизм деривации, который лежит в основе реализации перехода TO TAKE UP → TO ABOLISH в немецком языке.

При этом непроизводные глаголы норв. *heve*, дат. *hæve*, шв. *håva*, от которых образованы рассмотренные выше префиксальные дериваты, сами являются реализациями этого перехода в форме синхронной полисемии: см. норв. *heve armen* 'поднять руку', *heve glasset* 'поднять стакан' → *heve forlovelsen* 'разорвать помолвку', *heve en kontrakt* 'разорвать контракт'; дат. *hæve et glas* 'поднять стакан' → *hæve forlovelsen* 'разорвать помолвку'; шв. *hon håvde upp packningen på axlarna* 'она подняла сумку на плечи' → *håva ett avtal* 'разорвать договор', *håva ett köp* 'отменить покупку'. Здесь уже нельзя говорить о кальке, поскольку в немецком и нидерландском языках рассматриваемый семантический переход представлен полисемией только соответствующих префиксальных глаголов. Как представляется, два типа реализации этого перехода в северогерманских языках – морфологическая деривация, основанная на калькировании, и полисемия в семантической структуре одной лексемы – взаимно подкрепляют друг друга и демонстрируют когнитивную значимость рассматриваемого случая семантической деривации.

3.3. *Романские языки.* Особенный интерес с точки зрения полисемии глаголов с исходным значением TO TAKE UP представляют романские языки, в которых обнаруживаются реализации различных переходов, составляющих исследуемую цепочку. Так, во французском языке некоторые из рассматриваемых значений обнаруживаются в семантике непроизводного глагола *lever* и его префиксального деривата *enlever*.

Ориентируясь на примеры, приведенные в статье, посвященной глаголу *lever* в словаре TLFi, можно выделить в парадигме его значений три звена из рассматриваемой цепочки: (1) TO TAKE UP (*lever un fardeau* 'поднять груз', *lever les rames* 'поднять весла',

²⁵ Роль нижненемецкого влияния в образовании этих префиксальных дериватов отмечается, например, в статье, посвященной глаголу *oppheve*: Bokmålsordboka. Språkrådet og Universitetet i Bergen. URL: <https://www.ordbok.uib.no> (дата обращения 04.02.2022).

lever l'étendard 'поднять знамя') – (2) TO TAKE OFF (*lever le couvercle de la soupière* 'снять крышку с супницы', *lever le masque* 'снять маску') – (4б) TO ABOLISH (*lever le décret* 'отменить указ', *lever l'interdit* 'отменить запрет', *lever la sentence* 'отменить приговор')²⁶. Таким образом, эта реализация исследуемого перехода по своей структуре сближается с моделями семантического развития, обнаруженными в германских языках, и, вероятно, имеет своей основой тот же способ концептуализации денотативной ситуации.

Исследуемая цепочка переходов реализовалась в глаголе *lever* уже на раннем этапе истории языка, что отражено в статье, посвященной этой лексеме в Словаре среднефранцузского языка (DMF)²⁷. Так, в ней наряду с базовым значением TO TAKE UP (ср. *lever estendart* 'поднять знамя') отмечается значение TO TAKE AWAY (*enlever, ôter, retirer* qqс.), иллюстрируемое примером из романа А. де ла Саля «Маленький Жан из Сантре» XV в.: *sans plus actendre ne lever aucune chose dessus les tables* 'больше ничего не дожидаясь и ничего не убирая со стола'.

Другое звено рассматриваемой цепочки, реализующееся в парадигме лексем среднефранцузского *lever*, – 'прекратить что-л., положить чему-л. конец' (*faire cesser* qqс., *mettre fin à* qqс.). Это значение, судя по всему, соответствует последнему шагу деривации (4б) TO ABOLISH, поскольку валентность Пациенса в приводимых в этом словаре иллюстративных примерах заполняется обозначением того или иного постановления о конфискации или займе, ср. пример из «Истории муниципального права» XV в.: *nous leverons nostre dicte main mise* 'мы отменим нашу конфискацию'.

Однако в современном французском языке не прямые значения глагола *lever* реализуются реже, чем у его префиксального деривата *enlever*. Исторически первому значению глагола *enlever* соответствует семантический ярлык (1) TO TAKE UP (ср. *Le ballon enlève la nacelle* 'Воздушный шар поднимает гондолу', *les palans enlèvent les fardeaux* 'тали поднимают грузы', *enlever un enfant dans ses bras* 'поднять ребенка на руках'). Однако в современном языке эта лексема чаще употребляется в значении (2) TO TAKE OFF (ср. *enlever le couvercle d'une casserole* 'снять крышку с кастрюли', *enlever son chapeau* 'снять шляпу'). Кроме того, глагол *enlever* способен выра-

²⁶ Все примеры из современного французского языка взяты из словаря: Trésor de la langue Française informatisé. ATILF / CNRS – Université de Lorraine. URL <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm> (дата обращения 04.02.2022).

²⁷ Dictionnaire du Moyen Français (DMF). ATILF/Équipe "Moyen français et français préclassique". URL <http://www.atilf.fr/blmf> (дата обращения 04.02.2022).

жать значение (3) TO TAKE AWAY, ср. **enlever un échafaudage** ‘убирать строительные леса’, **enlever la poussière avec un balai** ‘убирать пыль веником’, **enlever le couvert** ‘убрать посуду’, **enlever l’appendice** ‘удалить аппендикс’, (4a) TO DESTROY, ср. **enlever un nom d’une liste** ‘убрать имя из списка’, **produit qui enlève les taches** ‘средство для удаления пятен’.

Несмотря на то что в статье, посвященной лексеме *enlever* в словаре TLFi, сочетания, приведенные выше как реализации значений (3) и (4a), указаны в качестве примеров к одному значению, называемые ими денотативные ситуации все же явно различны. Среди приведенных примеров можно выделить группу контекстов «слабого удаления», когда объект действия переносится из одного пространства в другое (*un échafaudage, le couvert*), и ряд контекстов «сильного удаления», когда предмет, над которым производится действие, перестает существовать в принципе (*un nom, les taches*), – см. об этом выше, в разделе 2. Как представляется, наличие в конструкции актанта начальной точки перемещения (например, **enlever le nom d’une liste**) свидетельствует о том, что описываемая ситуация концептуализируется в языке не как полное уничтожение предмета, а как его устранение из того пространства, где он первоначально находился. Незаполненность этой валентности (ср. *produit qui enlève les taches*) с высокой степенью вероятности свидетельствует о семантике уничтожения, т. е. о реализации последнего звена рассматриваемой цепочки.

Глагол *enlever* был способен выражать некоторые из перечисленных выше значений уже в среднефранцузском языке. Так, в словаре DMF приводятся такие его значения, как ‘унести что-л. (откуда-либо); отделить, снять что-л.’ (*emporter qqc. (de qq. part); détacher, enlever qqc.*) и ‘унести что-то с собой, вступить во владение чем-л.’ (*emporter qqc. avec soi, entrer en possession de qqc.*). Употребление *enlever* в значении (3) иллюстрируется примером из официального документа XV в.: *lesdiz Guerin et Quenault avoient cuilly et enlevé presque tout ledit blé* ‘вышеназванные Герен и Кено собрали и унесли почти всю указанную пшеницу’.

Вполне естественно, что реализацию значений (1), (2), (3) и (4б) можно наблюдать и в когнатах французского *lever* в других романских языках: итальянский *levare* (ср. **levare le mani** ‘поднять руки’; **levare il cappello** ‘снять шляпу’; **levare un dente** ‘удалить зуб’; **levare una tassa** – ‘отменить налог’)²⁸, испанский *levantar* (**levantar el brazo** ‘поднять руку’; **levantar un cadáver** ‘унести труп’; **levantar la**

²⁸ Dizionario italiano, con sinonimi e contrari. Milano: Garzanti, 1998. P. 1210.

excomuni6n ‘отменить отлучение от церкви’) ²⁹. В словаре среднеиспанского языка ³⁰ отмечается также значение (3) ‘снять или унести вещь оттуда, где она находилась’, которое было присуще этому глаголу в XIV–XV вв. В этимологическом словаре итальянского языка ³¹ фиксируется значение (4а) ‘убить’, которое реализовалось в сочетаниях *levare di terra* ‘удалить с земли’ (пример XIV в.) или *levare dal mondo* ‘удалить из мира’ (пример начала XIX в.).

В современных испанском и итальянском языках эти звенья цепочки, судя по всему, не представлены. Кроме того, существенное различие между реализациями этого перехода во французском и в других романских языках заключается в том, что во французском языке он представлен в семантической структуре двух лексем – непроизводного глагола *lever* и его префиксального деривата *enlever*, – тогда как в итальянском и испанском все значения сосуществуют в одном, бесприставочном, глаголе, не имеющем приставочных производных.

Отдельно следует отметить второй случай реализации анализируемой цепочки в итальянском языке – глагол *togliere*, в котором с большей или меньшей степенью узуальности и частотности представлены все значения, составляющие цепочку, кроме (1) *TO TAKE UP*, см. (2) *togliere un tegame dal fornello* ‘снять сковороду с плиты’, (3) *togliersi un dente* ‘удалить (себе) зуб’, (4а) *togliere* ‘убить’ и *togliere un ostacolo* ‘устранить препятствие’, (4б) *togliere un incarico* ‘отменить поручение’ (Dizionario italiano... Р. 2346). Как и в случае с английскими глаголами *to lift* и *to raise*, существование в языке двух непроизводных друг от друга глаголов, в семантике которых реализуется несколько звеньев цепочки переходов, свидетельствует о ее высокой продуктивности и важности для концептуализации мира человеком.

3.4. *Латинский язык*. Материал словарных статей ³² позволяет заключить, что совмещение в семантической парадигме одного

²⁹ Diccionario general ilustrado de la lengua espa6ola / Ed. R.M. Pidal, S.G. Gaya, M.A. Ezquerro. Bibliograf S.A., 1987. P. 657.

³⁰ Alonso M. Diccionario medieval espa6ol. Salamanca: Universidad Pontificia de Salamanca, 1986. P. 1305.

³¹ Cortelazzo M., Zolli P. Dizionario etimologico della lingua italiana. Bologna: Zanichelli Editore, 1983. P. 868.

³² См., например: Lewis Ch.T., Short Ch. A Latin dictionary founded on Andrews' edition of Freund's Latin Dictionary. Oxford: Oxford Univ. Press, 1956. P. 1055; Glare P.G.W. Oxford Latin dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1982. P. 1021.

слова идеи перемещения вверх (1) и значения, близкого к (4б), наблюдается и в самом латинском языке – в глаголе *levo*, от которого произошли все вышеназванные романские лексемы, за исключением глагола *togliere*. Однако следует отметить, что путь семантической эволюции *levo* демонстрирует схему развития значений, отличную от той, которая предлагалась выше, – в первую очередь потому, что значение физического перемещения не является для него исходным. Этот глагол представляет собой дериват от прилагательного *levis* ‘легкий’, и соответственно его первое значение (существенно, что оно также указывается первым в словарях) – то RELIEVE (‘облегчить, смягчить, ослабить’): ср. *molestias levare* ‘облегчить душевные муки’³³. Значения TO TAKE OFF и производное от него TO TAKE UP (ср. *furca levat ille bicorni sordida terga suis nigro pendentia tigno* Ovid. Met. ‘он снял двузубой вилкой копченое мясо, которое висело на черной балке’; *levavit ad caelum palmas* Stat. Theb. ‘он воздел руки к небу’), в свою очередь, должны рассматриваться как производные от TO RELIEVE. В частности, такая точка зрения изложена в историческом словаре французского языка³⁴, где в качестве первого значения лат. *levo* указывается ‘сделать легким’ (*rendre léger*), а далее развитие его значений описывается согласно следующей схеме: ‘to relieve’ (*soulager*) → ‘похитить’ (*dérober*) → ‘поднять, возвысить’ (*soulever, élever*).

Кроме того, у глагола *levo* отмечается также подзначение, которое в рамках предложенной выше схемы сближается с TO ABOLISH³⁵: ср. *suspicionem levare* ‘снять подозрение’ (иными словами, «отменить» его, «уничтожить» в смысле [4б]). Сходная идея выражается и в приводимых в словаре сочетаниях *morbum levare* ‘излечить от болезни’, *inopiam multum levare* ‘избавить от нужды’, также называющих устранение исходной ситуации³⁶. Несмотря на то что приведенные примеры невозможно квалифицировать как случаи употребления глагола в значении (4б) хотя бы в связи с принципиальным различием в таксономическом классе Пациенса, нельзя все же не отметить некоторую близость между последним

³³ Все примеры из латинского языка взяты из словаря: *Lewis Ch.T., Short Ch. A Latin dictionary founded on Andrews' edition of Freund's Latin Dictionary*. P. 1055.

³⁴ *Dictionnaire historique de la langue française / Ed. par A. Rey*. P.: Le Robert, 2011. P. 1195.

³⁵ Примеры см.: *Lewis Ch.T., Short Ch. A Latin dictionary founded on Andrews' edition of Freund's Latin Dictionary*. P. 1055.

³⁶ Характерно, что такое значение свойственно и современному итальянскому *levare*, см. *levarsi la fame, la sete* ‘утолить голод, жажду’.

звеном исследуемой цепочки переходов и значением *TO DELIVER FROM*. Действительно, в соответствующих контекстах речь идет о том, что некоторое положение вещей (подозрения в чей-либо адрес, болезнь, нужда) устраняется, перестает существовать – в определенном смысле так же, как прекращается действие официального документа в значении (46).

Характерно при этом, что в словарях наряду с вышеперечисленными сочетаниями приводится также ряд примеров, в которых актант, называющий исходное положение вещей, имеет форму не аккузатива (т. е. прямого объекта), а аблатива, тогда как в позиции прямого объекта оказывается другой участник ситуации – тот, чье положение облегчается (ср. *metu levare aliquem* ‘избавить кого-л. от страха’, *miseriis levare aliquem* ‘избавить кого-л. от бед’). Синтаксическое оформление этих сочетаний свидетельствует о том, что значение *TO DELIVER FROM* изначально находит выражение в конструкции, в которой подчеркивается идея облегчения положения *Y* – одного из трех основных участников ситуации, того «пространства» или предмета, с которого, если переосмыслить ситуацию в терминах пространственного перемещения, субъект *Z* «снимает», «убирает» предмет *X* (в тех языках, где значение (46) мотивировано одним из значений [1]–[3]). Связь с исходным значением *levo* как производного от *levis* в этом случае оказывается прозрачной: действительно, именно положение *Y* в такой ситуации становится более легким.

Одновременно с этим связь между значением *TO DELIVER FROM* и значениями (1) и (2) в семантической парадигме латинской лексики явно отличается от представленных на схеме взаимоотношений между значениями (1) и (2), с одной стороны, и (46) – с другой. Очевидно, что в семантической структуре латинского глагола значения (1) и (2) сами являются производными от *TO RELIEVE* (в соответствии со схемой *TO RELIEVE* → *TO TAKE OFF* → *TO TAKE UP*, где (1) и (2) меняются местами) и уже не могут рассматриваться как основа для развития значения (46). Эту модель семантического развития можно проиллюстрировать с помощью следующей схемы:

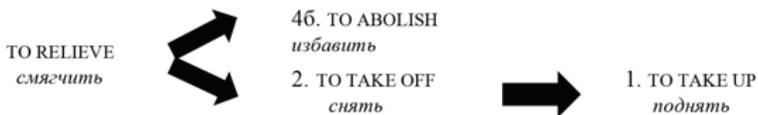

Рис. 3. Развитие значений лат. глагола *levo*

Таким образом, несмотря на набор семантических валентностей, тождественный тому, который можно наблюдать у однокоренных глаголов в современных романских языках, в латинской лексеме изначально реализуется другая диатеза. Различие в распределении ролей между участниками отражает различные способы концептуализации ситуации «отмены» как конечной точки того или иного пути семантического развития слова: так, в истории лат. *levo* реализуется модель переноса фокуса с «облегчаемого» объекта Y на удаляемый объект X, который впоследствии концептуализируется как нежелательная ситуация. Позже, однако, диатеза изменяется, и в синтаксической функции прямого объекта начинает выступать имя устраняемой ситуации (как в сочетаниях *suspicionem, morbum, inopiam levare*). Это позволяет сблизить употребление латинской лексемы с функционированием произошедших от нее романских глаголов, несмотря на то что модель развития соответствующих значений в современных языках была, по всей видимости, принципиально иной.

Итак, соотношение между значениями, представленными в рассматриваемой цепочке переходов, является различным в современных романских языках и в языке-предке. В семантической парадигме латинского глагола *levo*, имеющего первичное значение 'сделать легким', независимо друг от друга развиваются и сосуществуют в рамках радиальной полисемии (а не цепочечной – как в предложенной выше схеме) производные значения, с одной стороны, (1) TO TAKE UP и (2) TO TAKE OFF (см. иллюстрирующие эти значения примеры выше) – и, с другой, TO DELIVER FROM, близкое к (4б) TO ABOLISH, между которыми не наблюдаются отношения деривации вида (1) → (2) → (4б). В романских языках исходное значение корня не сохраняется (основы соответствующих прилагательных оформлены иначе: фр. *léger*, исп. *ligero*, ит. *leggero*), а бывшее производное (1) становится основным и исходным по отношению к (4б). Это подтверждается также фактом существования в других языках перехода TO TAKE UP → TO ABOLISH, представленного неродственными *levo* лексемами (см. выше, в разделах 1 и 2, и ниже, в разделе 4).

4. Заключение

Таким образом, рассмотренный языковой материал в целом подтверждает исходную гипотезу о когнитивном механизме цепочки переходов TO TAKE UP → TO ABOLISH как о последовательном движении от конкретного значения перемещения вверх к более абстрактному значению отмены действия документа, постановле-

ния или решения. Семантическое развитие слова в ряде языков проходит несколько промежуточных стадий в области конкретных значений, где дистанция между исходной поверхностью, на которой находился удаляемый объект, и самим объектом постепенно увеличивается. В то же время в других языках представлены не все переходы, составляющие цепочку, а только один или два из них: (1) → (4б) или (1) → (2) → (4б).

Отдельного внимания заслуживают также данные латинского и романских языков, которые внесли существенные коррективы в изначальную гипотезу. Языковой материал позволяет заключить, что предложенная схема семантической деривации реализуется в лексемах современных романских языков, но не в латинском глаголе *levo*, от которого они все происходят. Латинская лексема также способна выражать значения (1), (2) и (4б), однако соотношение между ними представляется иным: они не формируют единую цепочку, являясь семантическими дериватами от одного исходного значения и, следовательно, элементами радиальной структуры.

В заключение следует упомянуть также лексемы других языков, в которых многозначность развивается в соответствии с рассмотренными моделями семантического развития. Так, в русском языке обнаруживается цепочка переходов TO TAKE OFF → TO TAKE AWAY → TO ABOLISH (ср. *снять*: **снять** пальто с вешалки → **снять** скатерть со стола, **снять** урожай → **снять** судимость, **снять** выговор)³⁷, в ирландском – TO TAKE UP → TO TAKE AWAY (ср. *tóg: cloch a thógáil* ‘поднять камень’, *ciseán a thógáil* ‘поднять корзину’ – *tóg na gréibhlí sin* ‘убери эти безделушки’, *an bord a thógáil* ‘убрать со стола’)³⁸.

Интересно отметить также аналогичное явление в турецком языке. Так, турецкий глагол *kaldırmak* имеет исходное значение (1) TO TAKE UP (*başını kaldırmak* ‘поднимать голову’) и переносные (3) TO TAKE AWAY ‘уводить, увозить, уносить’; ‘отправлять’ (*çadır kaldırmak* ‘разобрать палатку’, *ekinleri kaldırmak* ‘убрать посевы’); (4б) TO ABOLISH ‘уничтожать, устранять, отменять’; ‘ликвидировать’; ‘смещать’ (*ablukayı kaldırmak* ‘снять блокаду’; *askerî üsleri kaldırmak* ‘ликвидировать военные базы’)³⁹. Страдательный безличный

³⁷ Словарь русского языка / Ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1998. Т. 3. С. 167–168.

³⁸ O’Dónaill N. Foclóir Gaeilge-Bearla. Baile Atha Cliath: An Gum, 1992. P. 1245–1246.

³⁹ Большой турецко-русский словарь / Ред. А.Н. Баскаков и др. М.: Живой язык, 2006. С. 499–500.

глагол *kaldırılmak*, производный от него, имеет значение ‘быть отмененным, упраздненным’ (*izinler kaldırıldı* ‘отпуска отменены’) ⁴⁰. У турецкого глагола *çıkarmak* развитие значений, судя по расположению материала в словарной статье, происходило следующим образом: ‘выводить, вынимать, вытаскивать, выхватывать’ → ‘снимать (одежду)’ → ‘снимать, выводить, устранять, удалять’ (например, *elbiseden lekeyi çıkarmak* ‘выводить пятна с одежды’) ⁴¹. Вполне вероятно, что реализации этого перехода могут быть обнаружены также и в других языках.

Приложение 1

Таблица распределения значений, составляющих цепочку переходов ‘TO TAKE UP’ → ‘TO ABOLISH’, в рассмотренных языках

Язык	Лексема	(1)	(2)	(3)	(4a)	(4b)
греческий	αἴρω	+	+	+	+	+
греческий	ἀναρῶω	+	+	+	+	+
английский	to lift	+	+			+
английский	to raise	+				+
немецкий	aufheben	+				+
нидерландский	opheffen	+				+
норвежский	oppheve					+
норвежский	heve	+				+
датский	ophæve					+
датский	hæve	+				+
шведский	upphäva					+
шведский	häva	+				+
французский	lever	+	+	(+) ⁴²		+
французский	enlever	+	+	+	+	
испанский	levantar	+				+
итальянский	levare	+	+	+		+

⁴⁰ Там же. С. 499.

⁴¹ Там же. С. 191.

⁴² Зафиксировано в среднефранцузском языке.

Окончание табл.

Язык	Лексема	(1)	(2)	(3)	(4a)	(4б)
итальянский	togliere		+	+	+	+
латинский	levo	+	+			+
русский	снять		+	+		+
ирландский	tóg	+		+		
турецкий	kaldırmak	+		+		+
турецкий	çıkarmak		+	+		

Литература

- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
- Бенвенист 1974 – *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
- Гак 1998 – *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 763 с.
- Зализняк 2001 – *Зализняк А.А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.
- Зализняк 2013а – *Зализняк А.А.* Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51.
- Зализняк 2013б – *Зализняк А.А.* Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 635 с.
- Кустова 2000 – *Кустова Г.И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.
- Кустова 2004 – *Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
- Майсак, Рахилина 1999 – *Майсак Т.А., Рахилина Е.В.* Семантика и статистика: глагол идти на фоне других глаголов движения // Логический анализ языка: Языки динамического мира / Ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 53–66.
- Падучева 2000 – *Падучева Е.В.* О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. Вып. 1. М.: Азбуковник. 2000. С. 395–417.
- Падучева 2004 – *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 607 с.

- Плунгян 2001 – *Плунгян В.А.* Приставка под- в русском языке: к описанию семантической сети // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1. С. 95–124.
- Рахилина 2010 – *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Азбуковник, 2010. 446 с.
- Розина 1999 – *Розина Р.И.* Концептуальные структуры и языковые правила порождения значений: глаголы движения вниз // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Сб. в честь Г.О. Винокура / Ред. С.И. Гиндин, Н.Н. Розанова. М.: Научный мир, 1999. С. 161–172.
- Розина 2005 – *Розина Р.И.* Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М.: Азбуковник, 2005. 301 с.
- Ченки 1997 – *Ченки А.* Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной когнитивной лингвистики / Ред. И.А. Секерин. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 340–369.
- Шмелев 2008 – *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 278 с.
- Evans 1992 – *Evans N.* Multiple semiotic systems, hyperpolysemy, and the reconstruction of semantic change in Australian languages // Diachrony within synchrony: language history and cognition; papers from the International Symposium at the University of Duisburg 26–28 March 1990 / Ed. by G. Kellerman, M.D. Morrissey. Frankfurt a/M., 1992. P. 475–508.
- François 2008 – *François A.* Semantic maps and the typology of colexification: intertwining polysemous networks across languages // From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations / Ed. by M. Vanhove. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 163–216.
- Juvonen, Koptievskaya-Tamm 2016 – The lexical typology of semantic shifts / Ed. by P. Juvonen, M. Koptievskaya-Tamm. Berlin; N. Y.: Mouton De Gruyter, 2016. 600 p.
- Koch 2000 – *Koch P.* Pour une approche cognitive du changement sémantique lexical: aspect onomasiologique // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. Nouvelle série, T. 9. Théories contemporaines du changement sémantique. Leuven: Peeters, 2000. P. 75–95.
- Koch 2008 – *Koch P.* Cognitive onomasiology and lexical change: Around the eye // From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations / Ed. by M. Vanhove. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 107–138.
- List et al. 2018 – *List J.-M., Anderson C., Greenhill S.J., Mayer Th., Tresoldi T. and Forkel R.* CLICS2: an improved database of cross-linguistic colexifications assembling lexical data with help of cross-linguistic data formats // Linguistic typology. 2018. Vol. 22. P. 277–306.
- Pauly 2012 – *Pauly É.* La polysémie. P.: L'Harmattan, 2012. 417 p.
- Riemer 2005 – *Riemer N.* The semantics of polysemy. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2005. 503 p.
- Stolova 2015 – *Stolova N.I.* Cognitive linguistics and lexical change. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2015. 261 p.

- Viberg 2002 – *Viberg Å.* Polysemy and disambiguation cues across languages. The case of Swedish få and English get // *Lexis in contrast* / Ed. by B. Altenberg, S. Granger. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 119–150.
- Waltereit 1999 – *Waltereit R.* Grammatical constraints on metonymy: on the role of the direct object // *Metonymy in language and thought* / Ed. by K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 233–255.
- Wilkins 1996 – *Wilkins D.* Natural tendencies of semantic change and the search for cognates // *The comparative method reviewed: regularity and irregularity in language change* / Ed. by M. Durie, M. Ross. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1996. P. 579–655.
- Zalizniak 2018 – *Zalizniak A.A.* The catalogue of semantic shifts: 20 years later // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Vol. 22. No. 4. P. 770–786.
- Zalizniak et al. 2012 – *Zalizniak A.A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M.* The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // *New directions in lexical typology. A special issue of linguistics*. 2012. Vol. 50. No. 3. P. 633–669.

References

- Apresyan, Yu.D. (1995), *Izbrannyye trudy, t. 1: Leksicheskaya semantika* [Selected works, vol. 1, Lexical semantics], Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, Moscow, Russia.
- Benveniste, É. (1974), *Obshchaya lingvistika* [General linguistics], Progress, Moscow, Russia.
- Cienki, A. (1997), “Semantika v kognitivnoi lingvistike” [Semantics in cognitive linguistics], in Sekerin, I.A. (ed.), *Fundamental'nyye napravleniya sovremennoi kognitivnoi lingvistiki*, Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia, pp. 340–369.
- Evans, N. (1992), “Multiple semiotic systems, hyperpolysemy, and the reconstruction of semantic change in Australian languages”, *Diachrony within Synchrony: Language History and Cognition; papers from the International Symposium at the University of Duisburg 26–28 March 1990*, Frankfurt a/M., Germany, pp. 475–508.
- François, A. (2008), “Semantic maps and the typology of colexification: Intertwining polysemous networks across languages”, in Vanhove, M. (ed.), *From Polysemy to Semantic Change. Towards a typology of lexical semantic associations*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, pp. 163–216.
- Gak, V.G. (1998), *Yazykovyye preobrazovaniya* [Language transformations], Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, Moscow, Russia.
- Juvonen, P. and Koptievskaya-Tamm, M. (ed.) (2016), *The lexical typology of semantic shifts*, Mouton De Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA.
- Koch, P. (2000), “Pour une approche cognitive du changement sémantique lexical: aspect onomasiologique”, in Société de linguistique de Paris (éd.), *Mémoires de la Société de linguistique de Paris. Nouvelle série, t. 9, Théories contemporaines du changement sémantique*, Peeters, Leuven, Netherlands, pp. 75–95.

- Koch, P. (2008) "Cognitive onomasiology and lexical change: Around the eye", in Vanhove, M. (ed.), *From Polysemy to Semantic Change. Towards a typology of lexical semantic associations*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, pp. 107–138.
- List, J.-M., Anderson, C., Greenhill, S.J., Mayer Th., Tresoldi, T. and Forkel, R. (2018), "CLICS2: An Improved Database of Cross-Linguistic Colexifications Assembling Lexical Data with Help of Cross-Linguistic Data Formats", *Linguistic typology*, vol. 22, pp. 277–306.
- Kustova, G.I. (2000), "Cognitive models in semantic derivation and the system of derivative meanings", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 85–109.
- Kustova, G.I. (2004), *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derivative meanings and mechanisms of language extension], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Maysak, T.A. and Rakhilina, E.V. (1999), "Semantics and statistics: the verb идти compared to other verbs of movement", in Arutyunova, N.D. and Shatunovskii, I.B. (ed.), *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira* [The logical analysis of language. Languages of a dynamic world], Mezhdunarodnyi universitet prirody, obshchestva i cheloveka "Dubna", Dubna, Russia, pp. 53–66.
- Paducheva, E.V. (2000), "On semantic derivation: the word as a paradigm of lexemes", *Russkii yazyk segodnya*, vol. 1, pp. 395–417.
- Paducheva, E.V. (2004), *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Pauly, É. (2012), *La polysémie*, L'Harmattan, Paris, France.
- Plungyan, V.A. (2001), "The prefix под- in the Russian language: for a description of a semantic network", *Moscow Journal of Linguistics*, vol. 5, no. 1, pp. 95–124.
- Rakhilina, E.V. (2010), *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetayemost'* [A cognitive analysis of object nouns: semantics and compatibility], Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik", Moscow, Russia.
- Riemer, N. (2005), *The semantics of polysemy*, Mouton de Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA.
- Rozina, R.I. (1999), "Conceptual structures and language rules of generation of meanings: verbs of downward movement", in Gindin, S.I. and Rozanova, N.N. (ed.), *Yazyk. Kul'tura. Gumanitarnoye znaniye. Sbornik v chest' G.O. Vinokura* [Language. Culture. Humanities. Papers in the honour of G.O. Vinokur], Nauchnyi mir, Moscow, Russia, pp. 161–172.
- Rozina, R.I. (2005), *Semanticheskoye razvitiye slova v russkom literaturnom yazyke i sovremennom slenge: glagol* [Semantic development of the word in the Russian literary language and in modern slang: the verb], Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik", Moscow, Russia.
- Shmelev, D.N. (2008), *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of the analysis of lexical semantics], Izdatel'stvo LKI, Moscow, Russia.
- Stolova, N.I. (2015), *Cognitive linguistics and lexical change*. John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA.

- Viberg, Å. (2002), "Polysemy and disambiguation cues across languages. The case of Swedish få and English get", in Altenberg, B. and Granger, S. (ed.), *Lexis in contrast*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, pp. 119–150.
- Waltereit, R. (1999), "Grammatical constraints on metonymy: on the role of the direct object", in Panther, K-U. and Radden, G. (ed.), *Metonymy in language and thought*, John Benjamins, Amsterdam, Netherland, pp. 233–255.
- Wilkins, D. (1996) "Natural tendencies of semantic change and the search for cognates", in Durie, M. and Ross, M. (ed.), *The comparative method reviewed: regularity and irregularity in language change*, Oxford University Press, New York, USA, pp. 579–655.
- Zaliznyak, A.A. (2001), "Semantic derivation in synchrony and diachrony: the project of a 'Catalogue of semantic shifts' ", *Voprosy yazykoznaveniya*, no. 2, pp. 13–25.
- Zaliznyak, A.A. (2013), *Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive* [Russian semantics in a typological perspective], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Zaliznyak, A.A. (2013), "Semantic shift as an object of typology", *Voprosy yazykoznaveniya*, no. 2, pp. 32–51.
- Zalizniak, A.A. (2018), "The catalogue of semantic shifts: 20 years later", *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22, no. 4, pp. 770–786.
- Zalizniak, A.A., Bulakh, M., Ganenkov, D., Gruntov, I., Maisak, T. and Russo, M. (2012), "The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology", in Koptyevskaya-Tamm, M. and Vanhove, M. (ed.), *New directions in lexical typology. A special issue of Linguistics*, vol. 50, no. 3, pp. 633–669.

Информация об авторе

Мария В. Орлова, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1; mriaorlova@gmail.com

Information about the author

Mariia V. Orlova, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009; mriaorlova@gmail.com